

разительных возможностей русского языка по отношению к социальным качествам, что говорит о специфичности последних в пределах семантического класса качеств в русском языке. Эта специфика связана с общими особенностями социальной семантической сферы, и прежде всего дискретностью, отдельностью: качество мыслится как самостоятельная сущность или как атрибут класса, в противном случае оно неотделимо от событийной, акциональной стороны социальной жизни лица.

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Проблемы референции. М., 1982. С. 5—40.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.

Вежицкая А. Что значит имя существительное? (или Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?) // Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. М., 1999. С. 91—133.

Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М., 1999.

Ким И. Е. Социальное восприятие и его языковая модель // Вести. НГУ. Сер. История, Филология. Т. 1, вып. 1. Новосибирск, 2002. С. 85—91.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1992.

Крысин Л. П. Социосемантика // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений. 3-е изд. М., 1997. С. 270—285.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 4-е изд. М., 2002.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.

Русская грамматика. Т. 1. М., 1982.

Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск, 1991.

Словарь иностранных слов. 18-е изд. М., 1989.

Л. П. Дронова

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *БЛАГОЙ* В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ*

Как есть люди необычной судьбы, так есть и слова необычной судьбы, путь которых отмечает взлеты и прозрения целых народов. И поэтому история таких слов, как *добро*, *благо*, *зло*, всегда притягательна как возможность понять, когда и как появилась значимость и глубина таящихся за ними смыслов.

Интересна в этом отношении история слова *благод*. В русском языке известна большая группа слов с корнем *благ-/блаж-*. В литературном русском языке само прилагательное *благод* в значении ‘хороший, добрый’ является устаревшим, изве-

* Публикуется в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 05-04-04 141а.

стно существительное *благо* ‘благополучие, счастье, добро’, но чаще всего *благо* является первой частью сложных слов со значением ‘хорошо, добро’ (*благоволить, благодарить, благоустроенный, благоразумный, благополучие* и т. п.). С корнем *блаж-* употребительны в литературном языке *блаженный* ‘в высшей степени счастливый’ (*блаженно, блаженство, блаженствовать*), разг. ‘глуповатый, чудачковатый’ (*блажененький*; первонач. ‘юродивый’), *блажь* ‘нелепая причуда, прихоть, дурь’, в просторечии — *блажить* ‘поступать своенравно, сумасбродно; дурить’ (*блажной*) [МАС, I, 96]. В диалектных вариантах русского языка иная картина: *благой* — реже ‘хороший, добрый’, чаще — ‘глупый’, ‘взбалмошный’, ‘капризный’, ‘злой’ и ‘плохой’, *благо* ‘хорошо’ и ‘плохо’, *благо* (сущ.) ‘добро’ и ‘все плохое, злое’ [СРНГ, II, 305—306].

Наличие не только разнообразных, но и противоположных значений у слов на *благ-*, *блаж-* давно привлекало внимание исследователей (Б. А. Ларин, В. Н. Прохорова, О. И. Смирнова, О. Г. Порохова и др.). Было замечено, что производные от этих корней в «положительных» значениях имели широкое употребление в книжных памятниках начиная с древнейших из них (Остромирово евангелие и др.) и, часто являясь терминами новой на Руси христианской религии, «переводились» на древнерусский. Так, например, русским соответствием церковно-славянскому *благо* осозналось слово *добро* (как отмечал Ф. П. Филин, слово *добро* употреблялось вместо *благо* в поздних списках Лаврентьевской летописи, где церковно-славянские слова обычно заменяются словами русской народной речи [Филин, 1949, 26]).

Другим русским соответствием славянским словам на *благ-* были слова с восточно-славянской огласовкой корня *болог-*, ср. как первую часть сложных слов в Русской Правде в списках XIV—XV вв. (*Въ бологодътъ* ‘бесплатно, безвозмездно’, *бологодъяти* = *благодъяти*), существительное *болого* встречается в тексте Слова о полку Игореве (= *благ*: ...а древо не бологомъ листвие срони), в Новгородской берестяной грамоте конца XIII — нач. XIV в. (*Моги же водати от тога ти нама хоче болого*), в старорусских текстах — наречие *болозъ* ‘хорошо’ [Словарь XI—XVII вв., I, 282; Арциховский, Борковский, 1963, 50]. При этом восточно-славянские варианты с полногласием единичны в древнерусских памятниках, исчезают они, видимо, довольно рано, почти не сохранившись в современных восточно-славянских языках: как след этого полногласного варианта — некоторые диалектные формы русского языка (пек. *бологуй* ‘старый, большой’, брянск. *бологуе* сущ. ‘добро, хорошее’, тверск. *Бологое* — название города; сев. и вост. (Даль) *болозе* ‘благо’, ‘хорошо’, ‘гораздо’, ‘ладно’, ‘хорошо, что’, ‘спасибо, что’), укр. диал. *не-з-болуга* ‘не с добра’, блр. *балазе* ‘хорошо’ [Журавлев, 1992, 80; ЕСУМ, I, 203; Гістарычны слоўнік, I, 48]. О. И. Смирнова, детально разбиравшая употребления слов на *благ-* в древнерусской письменности, отметила, что *благ-* в южно-славянской огласовке становится в древнерусском языке единственной формой этого слова и употребляется в письменности и вне религиозных контекстов, в памятниках разных жанров [Смирнова, 1966, 57—58].

Наличие у производных *благ-*, *блаж-* противоположных значений не имеет однозначного истолкования. Составители словаря русского языка XI—XVII вв.

решили проблему в пользу энантиосемии [см.: Словарь XI—XVII вв., I, 191]: для *благий (-ой)* определяются значения: 1) ‘добрый, хороший’ с вариантом ‘благоприятный, удобный’; 2) ‘приятный, красивый, прекрасный’ и 3) ‘злой, свирепый’ с вариантом ‘плохой, негодный’. Традиция представления данного слова как энантиосемичного идет еще от В. И. Даля («*Благий* или *благой* выражает два противоположных качества...» [Даль, I, 222]). Д. Зеленин и В. Хаверс полагают, что опечатательные значения возникли в результате описательного табуистического употребления [Зеленин, 1930, II, 155; Havers, 1946, 133]. А. Г. Преображенский также говорит об энантиосемии как результате эвфемизации, но сравнивает слово *благой* в значениях ‘добрый, хороший’ и ‘глупый, дурак’ [Преображенский, I, 24]). Тождество слова *благой* в первом и втором значении предполагают М. Фасмер и О. Н. Трубачев (ср. О. Н. Трубачев: «...все-таки не кажется необходимым полное этимологическое разграничение слов *благой* (рус. диал.) ‘плохой, безумный, неразумный’ и *благой* ‘добрый’»), подобная точка зрения представлена в историко-этимологическом словаре П. Я. Черных, где *благой* ‘плохой, дурной’ помечено как «устар.» и «обл.» к *благой* — устар. ‘хороший’ [Фасмер, I, 171; Трубачев, 1970, 374; Черных, I, 92; Этымалагічны слоўнік, 355—356].

Некоторые не менее авторитетные этимологи считают, что это гетерогенные образования. Ф. Миклошич, Э. Бернекер и Ю. Покорный сопоставляют рус. *благой* ‘плохой’ как продолжение праслав. **blag-* ‘плохой, слабый’ с лат. *flaccus* ‘вялый, слабый’, греч. βλάξ ‘вялый, расслабленный’, полагая их производными от и.-е. **bh(e)lāg-*, а *благой* ‘добрый, хороший’ как продолжение слав. **bolgъ* ставится в иной ряд индоевропейских соответствий от и.-е. **bhel(e)g-* (о них ниже) [Miklosich, 1886, 13, 17; Berneker, I, 58; Machek, 33; Pokorny, I, 124]. Э. Френкель также исходит из основы **blag-*, сравнивая рус. *благой* ‘плохой’ со ст.-литов. *blagnas* ‘негодный, злой, плохой’, *blagniškai* ‘ungeeignet’, *blāgnytis* ‘трезвель (о чел.), проясняться (о погоде)’ и отделяя их от *благой* ‘хороший’ («Russ. *blagoj* etc. haben daher nichts gemeinsam mit abg. *blag gut...*»; литов. *blōgas* ‘плохой, слабый’, лтш. *blāgs* ‘слабый, плохой, злой’ < слав.) [Fraenkel, 45—46]. Эта версия пока не опровергнута [см.: Аникин, 1998, 55], хотя В. Шмальштиг в рецензии на словарь Э. Френкеля предлагал расценивать этот случай как славянское заимствование в литовском [см.: Schmalstieg, 1956, 333—334]. Осторожно оценивает ситуацию в словаре балто-славянских схождений А. Е. Аникин, приводя отдельно **bolgъ* ‘добрый, хороший’ и **bolgъ* ‘плохой, недобрый, скверный’ и делая вывод о проблематичности реконструкции и этимологии **bolgъ* ‘плохой’ [Аникин, 1998, 55]. И действительно, нельзя не согласиться с этим выводом: ведь и в том и в другом случае (лексическая ли это омонимия или этимологическая) остается сложным вопрос соотношения временных и пространственных характеристик этого лексического явления при отсутствии надежных внешних схождений для предполагаемой Э. Френкелем балто-славянской изоглоссы и др.

Очевидно, что столь широкий диапазон решений вопроса о семантической структуре слова *благой* есть следствие неясности происхождения и этимологических связей и слав. **bolgъ* ‘добрый, хороший’ [ЭССЯ, 2, 172—174]: «праслав.

**bolgo* имеет вид архаического слова, однако его происхождение и этимологические связи с точностью не установлены»; о разных этимологиях *благой* [ESJSS1, 2, 65]). Обычно слав. **bolgъ* сравнивают с авест. *bəgəjayeiti* ‘приветствует, воздает почести’, *bəgəg-* ‘ритуал, обычай’, др.-инд. *bṛhas-pāti-* ‘господин молитвы’ и т. п. (при этом недоказанным с точки зрения формы остается историческое тождество индо-иран. -г- < и.-е. -l- [Berneker, I, 69; Machek, 33; Фасмер, I, 188; ЭССЯ, 2, 173]). С тем же пластом иранской лексики сравнивает слав. **blagъ* А. А. Зализняк, определяя это как собственно славяно-иранские схождения, это мнение поддержано в работе Д. И. Эдельман по истории славяно-иранских отношений [Зализняк, 1962, 34—36; Эдельман, 2002, 168]. Другой вариант — сопоставление с продолжениями и.-е. основы **bhelg-* ‘блестеть, сверкать’ (др.-инд. *bhārga-* ‘блеск’, литов. *bálganas* ‘беловатый, белесый’, тох. А, В *pālk-* ‘светить, гореть’, лат. *fulgor, flagro* ‘горю, пылаю’) [Фасмер, I, 188; Рок, I, 124; Черных, I, 92; Аникин, 1998, 55]. В «Этимологическом словаре славянских языков» допускается как формально правдоподобное также сближение **bol-g-o-* и **bolъjъ* (ср. рус. *более, больше*), отклоняемое М. Фасмером по фонетическим соображениям [ЭССЯ, 2, 173; Фасмер, I, 188].

Как видим, все три предлагаемых решения оказываются на уровне «корневой этимологии», поддержкой для них является то, что они либо опираются на известную культурную модель, в которой ‘свет, светлый’ соотносится с полюсом положительной оценки, а соответственно ‘тьма, темный’ — с отрицательной, параметр большой величины (‘больше’) также может быть мотивирующим признаком общей положительной оценки (ср. *вяче-, вели-, боле-* как первая часть композитов), либо исходят из (как возможного) семантического развития ‘добро, благо’ < *‘то, что почитаемо’.

Многое в этимологии слов на *благ-*, *блаж-* касается особенностей развития их значений, весьма важным является выяснение исторических условий и времени, когда происходили изменения этих значений, хронологическое соотношение отдельных этапов этого процесса. Так, анализом особенностей употребления слов на *благ-* в древнерусской письменности и привлечением данных диалектной русской лексики О. И. Смирнова в статье «Один случай энантиосемии» подтверждает выдвигавшееся ранее предположение, что *благой* ‘плохой’ произошло путем переосмысления слова *благой* в значениях ‘своенравный, злой’ (которые образовались от *благой* ‘святой, юродивый’) [Смирнова, 1966, 56—67]. Этот вывод был скорректирован О. Г. Пороховой на основании соотнесения типов семантических изменений в словах на *благ-*, *блаж-* с ареалом распространения этих слов в «положительных» и «отрицательных» значениях, установления относительной хронологии рассмотренных семантических процессов. Результатом этого уточнения стало утверждение, что семантическое изменение ‘святой, юродивый’ > ‘глуповатый’ было исходным не для всех слов на *благ-*, *блаж-* в отрицательных значениях [см.: Порохова, 1968, 186—187]. Вследствие этого семантического изменения у слов *блаженный, благой* появились значения ‘глупый’, ‘бешеный’, ‘злой’, ‘своенравный’ и т. п. как выражение отрицательной характеристики умственных способностей и свойств характера. Другое дело, например, глагол *блажить* в значении ‘го-

ворить вздор' из словаря-дневника Ричарда Джемса, в значении которого «проявилось ироническое или скептическое отношение к содержанию церковно-славянского слова» [Ларин, 1959, 255]. Таким образом, значение 'говорить вздор' явилось результатом иронического переосмысления непосредственно старославянского слова *блажити* 'восхвалять', а не следствием влияния *блажить* 'сходить с ума', 'иметь беспокойный характер' (от *блаженный*, *благой* 'глупый', 'взбалмошный').

О. Г. Порохова, не отрицая того, что ироническое отношение в русской бытовой речи к «высоким» старославянским словам меняло эмоциональную окраску этих слов с положительной на отрицательную (что часто способствовало и изменению их значений, иногда на противоположные — ср.: [Копорский, 1955, 17—23; Соколов, 1980, 36—42]), указывает на особенность ситуации с *благой*. Дело в том, что слова *благой* 'хороший' и *благо* 'хорошо' уже в древнерусскую пору могли использоваться и в разговорном языке. Здесь они делались словами близкими к обычным словам русского народного языка. «Лишаясь оттенка высокой экспрессивности, они теряли условия для иронического переосмысления. Показательно в этом смысле, что *благой* и *благо* в значениях 'хороший', 'хорошо' попадают даже в диалекты русского языка и не имеют там какой-либо экспрессивной окраски» [Порохова, 1968, 187].

Логически возможное изменение *благой* 'своенравный, злой' в *благой* 'плохой' вряд ли могло быть исторической реальностью. Свидетельство тому — наличие *благой* 'плохой' и его производных в современных украинском и белорусском языках и их диалектах (укр. *благий* 'благой, блаженный' и 'плохой', 'пустяковый', 'никудашный', 'незначительный', 'ветхий', 'немошный', *блаженький* 'плохонький', полес. *благий* 'плохой, старый, убогий', блр. *благі* 'плохой, скверный; нездоровый, нехороший на вид', *благое* 'дурное', *благэць* 'худеть' и др.) [см.: Гринченко, 1907, I, 70; Носович, 1870, 26; Белорус.-рус. словарь, 1962, 126; Лисенко, 1974, 33; Шатэрнік, 1929, 32]. Давнее существование их там подтверждается заимствованиями XVI в. из украинского в польский [Sławski, I, 307; Machek, 33]. Все это свидетельствует о том, что *благой* 'плохой' является принадлежностью древнерусского языка еще до разделения восточно-славянских языков. Слова же *блаженный*, *благой* в значении 'взбалмошный, злой' и *блажной*, *благь* отсутствуют в украинском и белорусском, что дает основание предполагать их более позднее происхождение. Отсюда О. Г. Порохова делает важное, с нашей точки зрения, заключение: «Если слово *благой* в значении 'плохой' действительно существовало в древнерусском языке раньше, чем слова *блаженный* и *благой* в значениях 'взбалмошный, капризный, злой' и т. п., значит, оно появилось независимо от них» [Порохова, 1968, 188].

Образования с корнями *благ-*, *благж-* в отрицательно-оценочных значениях характерны только для восточно-славянских языков. Они полностью отсутствуют в южно-славянских языках, а встречающиеся в западно-славянских языках такого типа отдельные лексемы относят к заимствованиям из восточно-славянских (такие, как польск. *blahy* 'дурной, плохой', *blahość* 'ничтожность, пустота' и, воз-

можно, диал. *blagi* ‘плохой, нестоящий’; чеш. *bláhový* ‘дурашливый, блажной’, *bláhovec*, диал. *blahút* ‘дурачок, блаженный’) [Machek, 33; Fraenkel, 45—46; Порохова, 1968, 189]. Отсюда логично проистекает вывод-перспектива: материал для решения вопроса о связи слова *благой* ‘плохой’ со словами старославянского происхождения может дать только изучение лексики украинских и белорусских диалектов, а также сведения об употреблении слов на *благ-*, *блаж-* в отрицательных значениях в древнерусском языке до XV в. Это заключение сделано О. Г. Пороховой [1968]. В последующие десятилетия продолжался сбор и описание диалектной лексики, появился исторический словарь белорусского языка [Гістарычны слоўнік, 1983], словарь староукраинского языка XIV—XV вв. [Словник ст.-укр. мови, 1977—1978], проблема генетических связей *благой*, *благо* решалась в этимологических словарях украинского и белорусского языков [ЕСУМ, 1982, I; Этымалагічны слоўнік, 1978, I], но оснований для принципиальных изменений в решении рассматриваемой проблемы не появилось (можно сказать, что задачи остались прежними, требуется целенаправленное обследование определенной части диалектных ареалов, следует только добавить к числу «подозреваемых», возможно, и восточно-балтийский материал).

Лексикографические источники показывают давнюю функционально-стилистическую дифференциацию *благой* 1 и *благой* 2: в церковно-славянских текстах *благий* (-ой) употребляется в значениях ‘добрый, хороший; приятный, красивый’ (1019 г.: *Лежа тѣло святого... свѣтло и красно и цѣло и благу вою имуще*) и в текстах бытового, делового характера *благой* — это ‘злой, свирепый’ (*благой слон* в «Хождение Афанасия Никитина», XV—XVI вв., ~ 1472 г.), ‘плохой, негодный’ (1689 г.: *Сказали про ту дорогу... что той Сухонной рѣкой не бывали тяжелье возы, а у нихъ той рѣкой кони грязли, сломывались по благимъ мѣстамъ*) [Словарь XI—XVII вв., I, 191], *блажить* ‘говорить вздор’ (в словаре-дневнике Ричарда Джемса, нач. XVII в. [Ларин, 1959, 255]. Это же различие отмечает в русском языке В. Даль: *Благій* или *благой* ‘добрый, хороший, полезный, добродетельный’ («церк. стар., а частію и нынѣ»), ‘злой, упрямый, своенравный, дурной, неудобный’ («въ просторечіи») [Даль, I, 222]. Сохраняется оно и в украинском языке: *благий* — разг. ‘слабый, старый, убогий, плохой’; устар. ‘добрый, лагідний’. И словарь староукраинского языка (XIV—XV вв.) показывает, что *благий* в текстах встречается лишь в значениях ‘ласковый, милостивый’ (1415), ‘благочестивый’ (1322) [Словник ст.-укр. мови, I, 99]. В историческом словаре белорусского языка ранние употребления *благий*, *благий* в значении ‘дрэнны’ относятся к концу XVI в. [Гістарычны слоўнік, 1983, 22]. В современном белорусском *благі* ‘нехороший, дурной, нездоровый’, *благое* ‘дурное’ активно и в литературном языке, где *благі* является ближайшим синонимом *дрэнны* ‘плохой’ (ср. синонимический ряд: [Клышка, 1976, 153]: *дрэнны, благі, кепскі, пагань, нядобры*). Таким образом, оказывается, что слово с «хорошим» смыслом функционирует в сфере влияния старославянского, церковно-славянского, а с «плохим» — преимущественно в разговорной речи русского, украинского, белорусского языков.

Интерес к культурно-значимому *благо*, *благой* не пропадает и в последние десятилетия. К сожалению, авторы этих работ не учитывают результаты анализа древнерусского и диалектного русского материала из работ О. И. Смирновой и О. Г. Пороховой. Например, в предпринятом Г. И. Берестневым исследовании проблемы иконичности добра и зла [Берестнев, 1999, 99—113] или относительно недавнее представление (безо всяких оговорок) Э. А. Балалыкиной эмоционально-экспрессивного употребления как основы семантического переосмысления для *благой* [Балалыкина, 1994, 6—7]. В специальной работе попыталась проанализировать семантическую структуру слав. *bolgo ‘благо’ Л. А. Сараджева: «Дифференцированная этимология этого слова остается неясной (или не вполне ясной) в том отношении, что исследователь не знает точно, какое из значений слова (реально представленное или реконструированное) “замыкает” этимологию, делая ее законченной, дифференцированной и однозначной» [Сараджева, 2001, 44]. Основывая свой анализ на учете значений славянских континуантов *bolgo и его производных и соглашаясь с истолкованием *благой* ‘хороший’ и *благой* ‘плохой’ как энантиосемии, автор исследования приходит к предположению, что «праслав. *bolgo первоначально обозначало, как и слав. *bogъ, долю, удел как восприятие человеческой жизни в целом» [Там же, 45]. Данное решение практически не обращается к этимологии, выяснению генетических связей, а строится на типологическом подходе: у слав. *bogъ и его производных (*bogать, *u-bogъ, *ne-bogъ; *sъ-božъje ‘богатство, имущество’, ‘хлеб в зерне’) обнаруживается сходный круг значений, связанный с обозначением счастливой и несчастливой доли (‘богатство/благо/счастье’ — ‘несчастье’). Но в семантическом поле слав. *bogъ и его производных, как и в привлекаемых индоиранских параллелях (др.-инд. su-bhāga, авест. hu-baga ‘имеющий долю, счастливый, богатый’ и a-bhāga ‘обездоленный, несчастный’), противопоставленность положительной и отрицательной семантики у однокорневых слов создается словообразовательными средствами, а не за счет семантической деривации, если *благой* (1 и 2) рассматривать как энантиосемию. Таким образом, эта экстраполяция (реконструкция исходного значения, иерархии в семантической структуре слав. *bolgo) не представляется убедительной или имеющей какие-то преимущества по сравнению с ранее предложенными.

Семасиологический подход, продемонстрированный О. И. Смирновой и О. Г. Пороховой, его результаты, безусловно, необходимы для исторически корректного решения вопроса. Не менее важен ономасиологический ракурс исследования, особенно если семасиологический анализ не дает ответа на возникающие вопросы (прежде всего, полисемия это или омонимия). Поэтому с чем мы не можем согласиться в выводах О. Г. Пороховой, так это с утверждением об отсутствии зависимости между особенностями функционирования слова, развитием его семантики и происхождением слова: «Несомненно, что происхождение слова *благой* ‘плохой’ не имело особого влияния на его историю в русском языке» [Порохова, 1968, 190]. Наверное, такое утверждение излишне поспешно. Попробуем посмотреть на эту проблему с другой стороны — с точки зрения особенностей функционирования *благой* ‘хороший’.

С этой точки зрения интересна сводка материала по *благой*, *благо* ‘хороший, хорошо’ и их производным в «Этимологическом словаре славянских языков» [ЭССЯ, 2, 172—174]. Однокорневых лексем праславянского уровня набирается немногим более десятка (по ЭССЯ). Первое, что обращает на себя внимание, это определенная поляризация ареала южно-славянских языков по отношению к восточно- и западно-славянскому. Слав. **bolgъ(jъ)* в западно-славянских языках реализовалось в значениях ‘блаженный, счастливый, благой, добрый, благоприятный’ (чеш., словц. *blahý*, польск. *łogi*), в древнерусском *благий (-ой)* ‘добрый, хороший; благоприятный; приятный, красивый’, сюда же по значению примыкает ст.-слав. *благъ* ‘добрый, милостивый; хороший, приятный’. Слав. **bolgo* продолжено в чеш., словц. *blaho* ‘блаженство, счастье, преуспевание’, польск. стар. *łogo* ‘благо, счастье’, др.-рус., цслав. *благо* ‘добро, доброе дело; богатство’; мн. ч. ‘блаженство, благополучие, блага’, др.-рус. *болого* ‘добро’, рус. диал. *болого* ‘хорошо, хорошо, что’.

Как видим, во всех значениях *благой*, *благо* служат для выражения общей и этической оценки или обозначения связанных с ними общих, абстрактных понятий. Иная картина вырисовывается в южно-славянских языках, где у однокорневых слов наличествует также и конкретная, предметная семантика и частная оценка, связанные с обозначением пищи. Так, слав. **bolgъ(jъ)* представлено как болг. *благ* ‘благой, милостивый, кроткий, мягкий’ и ‘сладкий, вкусный’, *благый* ‘добрый, хороший, кроткий’ и ‘сладкий, скромный’, диал. *блак* ‘сладкий’, макед. *благ* ‘сладкий; сладкий, не острый (о перце и т. п.)’; ‘пологий, покатый’, ‘мягкий, добрый’, с.-хорв. *blâg*, *blâga*, *-go*, напр. *млијеко*, ‘сладкий, хороший’, словен. *blâg*, *blâga* ‘благородный, милостивый, благой’. Славянское **bolgo* предстает как болг. *благо* ‘добро, имущество, благо, богатство, блаженство’ и ‘варенье’, ‘скромное’, макед. *благо* ‘благо, добро, богатство, имущество’, с.-хорв. *blâgo* ‘богатство, деньги, домашний скот’ и *благва* ‘съедобный гриб’, словен. *blâgo* ‘добро, благо, скот, товар’, *blagva* ‘название грибов’, ст.-словен. *blava* (<**blagva*) ‘хлеб (вообще)’ [ЭССЯ, 2, 172—174; Словарь XI—XVII вв., I, 191; СС, 1999, 90].

В исследовании О. А. Фелькиной, посвященном прилагательным общей оценки в славянских языках, высказано предположение, что слово *благъ* (судя по употреблению в древнейших памятниках старославянского языка в значениях типа ‘приятный’, ‘мягкий по своему воздействию’, ‘вызывающий приятные ощущения’ и учитывая семантику аналогичных прилагательных в современных славянских языках) приобрело значение общей положительной оценки в старославянском языке под влиянием греческого [см.: Фелькина, 1990, 9]. Каким образом это могло произойти? *Благъ* в текстах является соответствием (переводом) таких древнегреческих слов (СС, 90), как *αγαθός* ‘хороший, добрый’, ‘доблестный, благородный’, *χρηστός* ‘полезный, годный, способный’; ‘хороший, добрый’, *καλός* ‘прекрасный (о лицах и предметах, о наружной и внутренней красоте)’, ‘хороший, способный, годный’, *ευσεβής* ‘благочестивый, почтительный’, *εὐμεγέθης* ‘очень большой, значительный’, *ἅγιος* ‘святой, священный’, *ἀφθονός* ‘независтливый, щедрый’, *εὐ γε* ‘благоеже! хорошо, так и надо!’ [СС, 1999, 90; Дворецкий, 1958, I]. Да, семантическая структура части греческих слов имеет значение общей поло-

жительной оценки, но на каком основании они переводились бы словом *благъ*, если бы оно не имело такого значения, если бы их функции (хотя бы частично) не совпадали?

Семантика производных лексем еще ярче выражает противопоставленность южно-славянского и западно-, восточно-славянского ареалов. Так, например, в болгарском прилагательное *благáтый* имеет значение ‘счастливый’ и диалектный вариант *благáт* ‘сладкий’; болг. *благúвам* — это ‘жить счастливо, в довольстве’, с.-хорв. *благдвати* ‘пировать’; болг. *благинá* ‘скромная, жирная пища (масло, молоко сыр и др.)’, диал. *блáгина* ‘пищевой жир’, *блáг’ина* ‘заготовленные на зиму мясные и молочные продукты’, с.-хорв. стар. *блáгиња* ‘благость, доброта’, диал. ‘жир для мыловарения’ при ст.-слав. *благýни* ‘доброта, добро’ и др.-рус. цслав. *благиня, -и*, ‘добродетель, благо, блаженство’. Или пример с глаголом *благжити*, который в древнерусском церковно-славянском имеет значение ‘восхвалять, оказывать милосердие’, подобно ст.-слав. *благжити* ‘восхвалять’, в то время как болг. *благjá* — это ‘есть скромную, жирную пищу’ и ‘творить благо, благословлять’, макед. *благжи* ‘сладить, иметь сладковатый вкус’, ‘скоромиться’, с.-хорв. *блáжити* ‘есть скромное’, ‘ублажать’ при словен. *blážití* ‘облагораживать, укрощать, осчастливить, освежить (физически)’, чеш. *blážití* ‘приносить радость, благо кому-л.’, то же словц. *blážit’*. Иногда такое различие в семантике наблюдается среди южно-славянских континуантов: болг. *благотá* ‘благость, благо’ при с.-хорв. *blagòta* ‘благо’ и диал. *благота* ‘молочные продукты, яйца’; болг. *блáгост* ‘благость’ и ‘сладость’ при с.-хорв. *блáгòст* ‘доброта’ [ЭССЯ, 2, 172—174; Словарь XI—XVII вв., I, 191, 232; СС, 1999, 90—91].

В противовес этому *благой* в значении ‘плохой’ демонстрирует скорее «северную» ориентацию: эта лексическая изоглосса объединяет северо-западный ареал восточно-славянских диалектов, возможно, включая и восточно-балтийские, по виду частной оценки, сопутствующей общей оценке «плохой», т. е. в реализации пейоративных вариантов *благой* наблюдаются ареальные различия. В большей части русских, а также в украинских диалектах оно определяет характер, поведение человека (реже — животного) — ‘упрямый, своенравный, дурной, взбалмошный’ [СРНГ, 2, 305—306; Тимченко, 1897, I, 17; Гурт, 1896, I, 32; Иваницкий, Шумлянський, 1918, 17]. В северозападных говорах русского языка это прилагательное широко используется и для определения неодушевленных предметов и явлений природы — ‘плохой, негодный, неудобный’: петерб., новг. *Постройка-то уж благая*; иск. *Благое это весло*; твер. *Пашия благая* ‘тяжелая’; влад. *Съезд больно благой*; иск. *Благие уши* ‘плохой слух’ и т. п. [СРНГ, 2, 307]. То же отмечается в украинских, белорусских говорах, где это прилагательное определяет человека и предметы чаще по внешнему виду, пригодности — ‘плохой, старый, слабый’ (полес. *благий* ‘плохой, старый, убогий’, блр. *благі* ‘плохой, скверный; нездоровый, нехороший на вид’ [см.: Лисенко, 1974, 33; Шатэрнік, 1929, 32]). Исторический словарь белорусского языка для *благий*, *благый*, кроме ‘добры, хорошы, прыемны’, дает значение ‘дрэнны’ (1607 г.: *видель есми, ижъ тело небощыковъское ничым не прыкрыто, одно обрусомъ благимъ старымъ* [Гістар. слоўнік, II,

22]. Обращение к данным картотеки псковского областного словаря (картотека СПБУ) подтверждает отмеченную особенность, поскольку функционирование этого слова в псковских говорах связано в основном с выражением утилитарной оценки (наряду с общей оценкой): *благо* употребляется в значении ‘вред, худое’ (*от всякого глазу, от всякого благо*), *благой* ‘плохой’ (*день, место*), *благий, блаженький* ‘старый, ветхий, плохонький’ (*Вот так и жыву ф халупк’е свајей благ’ин’кај*), *благой* ‘плохой, некачественный’ (напр., *благой хлеб, мука, квас, керосин*), ‘больной’ (*ја благаја была / думал’и што ја памру*), *благие слова* (=бренные), *благой жених* (=некрасивый), *ягоды благие* (=гнилые), *благой гриб* (=червивый), *благая вода* (=грязная), *благая собака* (=бешеная) и т. п.

Анализ семантического варьирования **bolgъ*(*ь*) в славянском, и прежде всего в восточно-славянском, ареале показывает, что есть основания объяснять появление пейоративной оценки в оценочном спектре семантики *благой* (‘взбалмошный, своенравный, злой’ и т. п.) как результат воздействия эвфемизации, табу (ср. *блаженный* ‘святой, праведный’ и ‘юродивый’, именование *благая* для болезни, нечистой силы). Но это поляризация в пределах одной — этической — оценки. На фоне употребления *благой* в значении ‘плохой’ (преимущественно о человеке — этическая оценка) только в восточно-славянских языках не ясна причина локального привлечения здесь прилагательного *благой* для выражения утилитарной оценки (из этической оценки утилитарная?). Какова в данном случае собственно языковая и/или культурная (что скорее всего) детерминация?

Выявляемые особенности семантического варьирования не объясняются, на наш взгляд, и предположением о древности заимствования из церковно-славянского русским: «...не всегда возможно отличить древние заимствования из церковно-славянского от более поздних, однако в ряде случаев имеет место характерное расхождение значений между аналогичными по форме церковно-славянскими и диалектными словами, которое может указывать на древность заимствования; ср., например, такое расхождение между церковно-славянским *благий* и русским *благой* (в русском языке слово приобретает отрицательное значение)» [Успенский, 1994, 39]. Что в древности (до христианизации? в процессе христианизации? особенности ее протекания на Руси?) способствовало не только изменению полюсов в рамках этической оценки (это явление может быть объяснено экстралингвистическими факторами), но и подвижке от этической к утилитарной оценке? Другой вариант объяснения появления пейоративной оценки у *благой* исходит из устного пути заимствования южно-славянской лексики типа болг. *благ* ‘сладкий (о яблоках)’, ‘жирный (о еде)’, откуда значение ‘скромный, запретный’, затем ‘нечистый, проклятый’ и др. (Страхов, см.: [Аникин, 1998, 55]). Но у восточно-славянских континуантов не отмечено ни значение ‘запретный (как скромный)’, ни ‘нечистый (в результате ритуального нарушения)’. Есть *благой* как ‘нечистая сила’, но это не имеет отношения к христианским ритуалам — запрету во время поста не употреблять скоромное.

Обозначенные вопросы, неясность культурно-языковой детерминированности (*благой* ‘хороший’ принадлежит древнерусской письменной речи, *бла-*

гой ‘плохой’ — народно-разговорной) влекут за собой необходимость пересмотра и предполагаемых генетических связей *благой* ‘добрый, хороший’ (см. выше), поскольку если теоретически (с точки зрения значимости, символичности в культуре) можно предположить возникновение общей положительной оценки как обобщения значений типа ‘воздавать почести’, ‘ритуал, обычай’, ‘молитва’ или ‘блеск, свет’, то такая проекция на южно-славянский материал предполагает исходить из сужения общеоценочной семантики до ‘сладкий’ и затем уже до значения ‘жирная (молочная и мясная) пища’. Вариант ‘хороший, добрый’ → ‘жирная пища’ → ‘сладкий’ также нереален с типологической и общекультурной точки зрения.

Итак, для обозначения важного в этической системе христианства понятия было использовано языковое средство южно-славянских языков, позволявшее выразить идею значимости бескорыстных добрых дел, поступков (получать удовлетворение как сладость/наслаждение от благих/добрых деяний). Это, в свою очередь, предполагает, что *благой* ‘сладкий, доставляющий удовольствие’ (см. выше южно-славянские соответствия) было функционально близким к общеоценочному ‘хороший’. Существовавшее общеоценочное *добрый* с его лексико-семантическими связями (*удобный, надобный, подобный* и т. д.) менее подходило для выражения идеи даруемого Богом блага-благости, наслаждения, радости от бескорыстных добрых дел, провозглашаемых как сущее и должное в согласии с канонами христианства. С другой стороны, *благой* ‘добрый, хороший’ как результат семантической деривации старославянского языка репрезентирует в составе однокорневых слов в южно-славянских языках семантическую модель ‘сладкий’ → ‘приятный’ → ‘хороший’, модель, явно являющуюся инновацией этой части славянских языков. Именно инновацией, поскольку существующие способы формирования общеоценочного средства исходят из других ценностных параметров: ‘соответствующий, подходящий’ → ‘хороший’ и ‘приличествующий, красивый’ → ‘хороший’ (ср. *добрый, годный, гожий и ладный, лепый, красный*).

Если это инновация, то где ее истоки? Собственно славянской культурной детерминации здесь не просматривается. В таком случае возможен еще вариант, что это какая-то архаичная культурная схема (культурный сценарий), которую славяне, южная часть их, могли усвоить, уже в историческое время, расселяясь в Причерноморье, нижнем течении Дуная и по Балканам. Их расселению на этой территории предшествовало формирование здесь на рубеже II—III вв. н. э. крупного культурного образования — черняховской культуры. В III—IV вв. данная культура распространилась в границах от Нижнего Дуная до Северского Донца. Славяне, продвигаясь с Верхнего Поднестровья, расселялись на землях, ранее занимаемых ираноязычными сарматами и скифами, фракийскими гето-даками, которые также включились в генезис черняховского населения [см.: Седов, 2002, 150—186]. Фракийцы известны еще со времен Геродота своим оседлым образом жизни и по этому параметру близки славянам, поэтому меньше оснований ожидать принципиально иную оценочную модель в такой культуре. А вот обращение к фактам другого типа культуры (скотоводческо-кочевого), к фактам иранских языков по-

звонит утверждать, что именно сознанию носителей этих языков была присуща культурная модель 'сладкий' → 'приятный' → 'хороший'.

Характеристику этой черты сознания ираноязычных народов, увиденную через ее представленность в фактах языка, находим у В. И. Абаева в его «Историко-этимологическом словаре осетинского языка». Опираясь на мнение известных иранистов (Вс. Миллер, Г. Моргенштерн, Э. Бенвенист), В. И. Абаев определяет осет. *xorǝ|xwarz* 'хороший' как продолжение др.-иран. **hwarza-* или **hwarzu-* 'сладкий', тем самым осетинские лексемы включаются в широкий круг предполагаемых однокорневых образований, значения которых группируются вокруг двух семантических центров — 'с л а д к и й' и 'п и щ а' (авест. *xvarəza-* 'сладкий', пехл. *xwālišṭ*, *xwārzišt* 'сладчайший', бел. *awarzā* 'приятный', позднихорезм. *xǝ*, *xǝyk* 'хороший', 'приятный', сак. *hvarra* 'сладкий' и т. д. при перс. *xwāl* (**hwarza* > **hwarda* > *xwāl*) 'пища, еда', заа *xōl* 'пища' и др. < **hwar-* 'есть'; «семантическое движение — 'с л а д к и й' → 'п р и я т н ы й' → 'х о р о ш и й'» [Абаев, IV, 218].

Еще один источник формирования представления о «сладком» у носителей иранских языков приводит И. М. Стеблин-Каменский в новом этимологическом словаре ваханского языка (resp. памирских языков): «... понятия "сладкий" и "молоко" в иранских языках совпадают», ср. перс. *šīr* 'молоко', *šīṭp* 'сладкий' и др., подобная картина наблюдается и в соседних дардских, кафирских языках [Стеблин-Каменский, 1999, 409, 445].

Для иранских народов, не одно тысячелетие занимавшихся кочевым скотоводством, такой путь возникновения понятия «сладкий» и «хороший» представляется закономерным. Возвращаясь к ситуации в южно-славянских языках, где в *благой* 'добрый, хороший' можно видеть результат обобщения представления о жирной мясной и молочной пище как эталоне сладкого, приятного, мы полагаем, что это представление усвоено носителями южно-славянских языков из субстратной культуры, от тех, кого славяне при расселении ассимилировали. Вариант, что формирование таким путем представления о приятном, хорошем имеет собственно славянское авторство, следует исключить в силу специфики историко-культурных параметров славян периода распада славянской общности. Изложенные аргументы представляются достаточными, чтобы предполагать, что *благой*, *благо* не продолжают праславянскую (общеславянскую) модель формирования общеоценочного значения, а восходят к инокультурной модели, авторами которой не могли быть южные славяне. Конечно, это предполагаемое решение проблемы ставит новые вопросы, прежде всего о генетических связях для *благо* и *благой*. Попытаемся предложить вариант решения этого вопроса в рамках предполагаемого культурного взаимодействия.

Поскольку речь идет о Северо-Западном Причерноморье, Нижнем Подунавье, куда выселилась часть антского населения (ср. «... славянские передвижения, приведшие к формированию раннесредневековых болгар, сербов, хорватов и македонцев, исходили из антского ареала» [Седов, 2002, 195]) и о возможности усвоения южными славянами на этой территории субстратной культурной модели (*'молоко' /*'пища') → 'сладкий' → 'приятный' → 'хороший' (достаточно известной в

иранских языках), логично было бы обратиться к фактам скифо-сарматских языков, носители которых представляли иранский мир в этом регионе. Уместно вспомнить упоминаемое еще Гомером скифское кочевое племя, питавшееся кобыльим молоком, — гиппомол(ь)гов (Ил. XIII, 5—6: «Зевс... созерцающий землю фракийян, наездников конных, / Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов, / Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных»), у Гесиода встречается $\lambda\eta\mu\omicron\lambda\upsilon\gamma\omicron\varsigma$ ($\Sigma\mu\ \theta\alpha\iota$) ‘доющий лошадей (о скифах)’, у Эсхила $\lambda\lambda\ \eta\eta$ — это ‘сыр из кобыльего молока’ [Дворецкий, I, 827—828]. Интересна в этом плане и легенда, передаваемая Геродотом (V в. до н. э.), об ослеплении скифами рабов якобы из-за того, что они пьют молоко кобылиц: «После доения молоко выливают в полные деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, скифы велят им взбалтывать молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат» [Геродот, кн. IV, гл. 2]).

В Причерноморье (на Кавказе) сохранился совсем небольшой островок некогда большого ираноязычного региона — осетины. Но похоже, что ни в осетинском, ни в таджикском, памирских языках, ни в известных текстах, глоссах хорезмийского, согдийского, хотано-сакского языков (в том, что осталось от иранских языков Великой степи от Карпат до Тянь-Шаня) нет похожей языковой единицы в таком значении (по крайней мере — в этимологических словарях иранских языков [Абаев, I, 1958; Стеблин-Каменский, 1999], в словаре В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман **blag-* соотносится с авест. *barəg-* ‘восхвалять, приветствовать (при встрече)’, ‘поклоняться, почитать’, *bərəg-* ‘религиозный ритуал, обычай’, *bərəxda-* ‘желанный’ и т. д. [Расторгуева, Эдельман, 2003, II, 111—112]. Нет ничего похожего в работе А. А. Зализняка, посвященной характеру языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами, или в анализе славяно-иранских лексических отношений О. Н. Трубачева [Зализняк, 1963, 1—22; Трубачев, 1967, 3—81]. Следовательно, оказывается, что есть определенная модель образования общеоценочного значения, широко представленная в иранских языках, но нет реального «исполнителя» этой роли из иранской среды, могущего быть соотносенным со слав. **blag-*. С другой стороны, это не исключает посреднической роли иной языковой среды. Следует ведь учитывать, что славяне расселяются на Балканах (в Северо-Западном Причерноморье) достаточно поздно, когда ираноязычное население в этом регионе уже было ассимилировано, как и некоторые другие этносы, например кельты (ср. у Геродота $\Gamma\alpha\lambda\lambda\alpha\iota\kappa\eta$ ‘Галлаика (область во Фракии)»; $\Gamma\alpha\lambda\lambda\alpha\ \omicron\varsigma$. ‘принадлежащий галлам, т. е. жрецам Кибелы’, $\Gamma\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ ‘галл, жрец Кибелы’). При всей безнадежности на первый взгляд наших поисков, как кажется, есть все же интересный сюжет.

С середины IV в. до н. э. Среднее Подунавье освоили кельты, которые в первой половине III в. до н. э. осели в Нижнем Подунавье, отдельные группы их достигли Верхнего Днестра и часть переселилась в Малую Азию (галаты — кочевые галлы — осели в центре Малой Азии, в Галатии). Страбон при описании областей Нижнего Подунавья и их обитателей сообщает, что еще Гомер соединил здесь с ми-

сийцами гиппемолгов, галактофагов и абиев, «которые и есть кочующие в кибитках скифы и сарматы. Действительно, еще и теперь эти племена, так же как и бастарны, смешаны с фракийцами (правда, больше живущими по ту сторону Истра, и с теми, что живут по эту сторону). С ними смешались кельтские племена — бойи, скордиски и тавриски» [Страбон, кн. 7, 271]. Основным занятием кельтов было земледелие и животноводство. В индоевропейских языках нет общего названия молока (имеющиеся наименования региональны и не имеют производящей семантики типа ‘доить’, ‘пить’), широко распространенные продолжения и.-е. *melg/k-* ‘доить’ [Рок., I, 724] первоначально, вероятно, значили ‘сосать’ (есть мнение, что этимологически вскрываемое отсутствие антропогенных мотивов названия молока свидетельствует об относительно позднем развитии молочного хозяйства [см.: Трубачев, 1960, 9—10; ЭССЯ, 18, 84—87]). В кельтских языках название молока, родственное лат. *mulgeo*, литов. *melhti*, др.-в.-нем. *melchan* ‘доить’, *miluch*, гот. *miluks* ‘молоко’ и рус. *молозиво* (и.-е. **mēlg-**, **mēlg-**), имеет исторически варианты формы, ср. ирл. *melg-*, *mlicht*, *blicht* ‘молоко’, *mligid* ‘доить, выдаивать’, отглагольное имя *mlegon*, *blegon* ‘надоенное/выдоенное’, ‘молоко’ («...и.-е. *mr-*, *ml-* первоначально сохранялись в древнеирландском языке, но позднее дали *br-*, *bl-*» [Льюис, Педерсен, 84]) [Черных, I, 540; ЭССЯ, 18, 84—87; Vendryes, 1960, M-33, M-56, M-57]. Следовательно, долгое пребывание в Северо-Западном Причерноморье кельтов (галлов) — реальная основа для их знакомства с культурными традициями скифов-скотоводов, усвоения их ценностных ориентиров. Соответственно и культура кельтов могла быть той культурой-посредником, благодаря которой в южно-славянских языках оказалась лексема *благо* в значении ‘сладкий (о молочной, жирной пище)’, ‘приятный’, ‘хороший’ и вместе с этим субстратная (иранская) модель формирования общей мелиоративной оценки на основе утилитарной и гедонистической оценок.

Следствием такого истолкования происхождения *благой* ‘добрый, хороший’ является его признание гетерогенным образованием по отношению к *благой* ‘плохой, старый, негодный’. Для выяснения собственно языковых и историко-культурных условий возникновения второй лексемы необходимо дополнительное исследование материала диалектного континуума, представляемого частью восточно-славянских и восточно-балтийских диалектов.

Таким образом, основа *благ-*, с «этимологического слоя» претерпевшая изменение семантики (*‘молоко’/*‘вкусная пища’ → ‘вкусный, сладкий’ → ‘приятный/дающий наслаждение’, ‘хороший’), может выразить внутреннее, душевное состояние человека (сладостное чувство, наслаждение), в «высоком» регистре старославянского как нечто дарованное Богом, в «низком», земном — это нечто (= внешний по отношению к человеку объект реального мира), дарующее жизнь и чувство наслаждения — (вкусная) пища. И, как ни странно это кажется на первый взгляд, дескриптивно-оценочное значение, став культурно-значимым, как будто через тысячелетия «прорастает» и «контролирует» семантический спектр этимологического гнезда (даже в современном русском языке значение слова *благо* имеет семантический компонент ‘удовольствие’: *блага* — это ‘то, что служит к удовлетворению каких-л.

человеческих потребностей, дает материальный достаток, доставляет удовольствие' [МАС, I, 92]).

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Л., 1959—1989.

Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (*а- — *go-). Новосибирск, 1998.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

Балалыкина Э. А. Развитие противоположных семантических оттенков в пределах одного слова в истории русского языка // Семантика русского языка в диахронии: Сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1994. С. 3—10.

Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.

Берестнев Г. И. Иконичность добра и зла // *Вопр. языкознания*. 1999. № 4. С. 99—113.

Геродот. История: В 9 кн. / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского; Под общ. ред. С. Л. Утченко. Л., 1972.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Рэд. А. М. Булыка. Вып. 2. Мн., 1983.

Гринченко — Словарь украинского языка, собранный редакцией ж. «Киевская старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов Б. Д. Гринченко. Т. 1—4. Кіів, 1907—1909.

Гурт А. Словарь русско-галицкій. Т. 1—2. Вена, 1896.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958.

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови*. Т. 1—3. Кіів, 1982—1989.

Журавлев А. Ф. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков» // *Этимология*, 1988—1990. М., 1992. С. 77—88.

Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами // *Славянское языкознание: Краткие сообщения Ин-та славяноведения*. 1963. № 38. С. 1—22.

Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // *Вопр. славян. языкознания*. Вып. 6. М., 1962. С. 28—45.

Зеленин Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2. Л., 1930.

Иваницький С., Шумлянський Ф. Російсько-український словник. Т. 1—2. Вінниця, 1918.

Клышка М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў. Минск, 1976.

Копорский С. А. Из истории лексики русского литературного языка, XVIII—XIX вв. (изменение значений славянизмов) // *Рус. язык в шк.* 1955. № 3. С. 17—23.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619). Л., 1959.

Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Кіів, 1974.

Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: Пер. с англ. / Ред., предисл. и примеч. В. Н. Ярцевой. М., 1954.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Глав. ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд., испр., доп. М., 1981.

Носович И. И. Словарь бѣлорускаго нарѣччя. СПб., 1870.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1910—1914 (вып. послед.). М., 1949. Т. 1.

Порохова О. Г. Из истории лексики: Слова с корнем *благ-* (*блаж-*) в русском языке // *Слово в русских народных говорах*. Л., 1968. С. 181—202.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М., 2003.

Сараджева Л. А. Славянское **bolgo* 'благо' (к соотношению смысловой структуры) // *Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Научно-методический семинар «Textus»*: Сб. ст. к 75-летию В. В. Бабайцевой. Вып. 7. М.; Ставрополь, 2001. С. 44—46.

Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование / Ин-т археологии РАН. М., 2002.

Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1—2. Кіів, 1977—1978.

- Смирнова О. И.* Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 56—67.
- Соколов О. М.* Энантиосемия в кругу смежных явлений // Филол. науки. 1980. № 6. С. 36—42.
- СлРЯ XI—XVII вв.* — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л., 1965. Вып. 1—...
- СС* — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М., 1999.
- Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- Страбон.* География: В 17 кн. // Под общ. ред. С. Л. Утченко. М., 1994. (Репринт. изд. 1964 г.).
- Тимченко Е.* Русско-малороссийский словарь. Т. 1—2. Київ, 1897.
- Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология, 1965. М., 1967. С. 3—81.
- Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования). М., 1960.
- Трубачев О. Н.* [Рецензия] // Этимология. 1970, М., 1972. Рец. на: Sadnik L.; Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen.
- Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973.
- Фелькина О. А.* Развитие семантики славянских прилагательных общей оценки в русском языке. Мн., 1990.
- Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
- Шатэрнік М. В.* Краевы слоўнік Чэрвеншчыны. Мн., 1929.
- Эдельман Д. И.* Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2002.
- ЭССЯ* — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 2. М., 1975.
- Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / Рэд. В. У. Мартынаў. Мн., 1978. Т. 1.
- Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 1—9. Heidelberg, 1908—1913.
- Etymologický slovník jazyka staroslovenského.* Т. 1—2. Praha, 1989—1990.
- Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.
- Havers W.* Neuere Literature zum Sprachtabu. Wien, 1946.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Schmalstieg W. R. E. Fraenkel.* Litauisches etymologisches Wörterbuch // Word. 1956. 12, 2.
- Slawski* — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Slawskiego. Т. 1. Wrocław etc., 1974.
- Vendryes J.* Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Lettres MNOP. Dublin; P., 1960.